

Отзыв официального оппонента о диссертации Риммы Михайловны Потпот «Дом в традиционной хантыйской модели мира», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.02 — Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские)

Диссертационное исследование Риммы Михайловны Потпот посвящено проблеме репрезентации образа «дом» в традиционной хантыйской модели мира, преимущественно на материале казымского диалекта. Эта тема, несомненно, характеризуется **актуальностью и новизной**, поскольку вопросы взаимосвязи языка и культуры широко обсуждаются в теоретических работах, однако на хантыйском материале проблема языковой и культурной категоризации дома, затрагиваемая автором диссертации, рассматривалась не слишком подробно. Поэтому работа, с одной стороны, вносит вклад в исследование хантыйского языка; с другой стороны, вводит хантыйский материал в более широкий научный контекст.

Р. М. Потпот анализирует коллокации лексемы *хот* 'дом', способы описания дома в фольклорных текстах и связанные с этим метафоры, релевантную обрядовую лексику, ассоциации с домом у носителей хантыйского языка в сопоставлении с носителями лесного ненецкого языка и ряд других вопросов. Исследование опирается на обширный корпус собственных полевых материалов автора, являющегося, что следует отметить особо, носителем хантыйского языка, глубоко погруженным в изучаемую языковую и культурную среду. Введение в научный оборот огромного массива **новых** данных представляется важным достоинством работы и, вкупе с солидным массивом детально проработанных опубликованных источников, обеспечивает **достоверность** формулируемых в диссертации положений. Изложение в работе в целом логично, выдвигаемые положения получают адекватную эмпирическую аргументацию, что позволяет говорить о **высокой степени обоснованности** выводов автора. Кроме того, диссертация успешно прошла **апробацию** в форме значительного числа публикаций, в том числе в рецензируемых изданиях, и докладов на конференциях во многих научных центрах. Количество публикаций автора по теме диссертации даже несколько превосходит стандартный уровень требований.

Полученные в диссертации результаты обладают **теоретической и практической значимостью** и могут быть использованы в различных сферах. Помимо задач лингвокультурологии, на которые делает специальный упор автор, а также очевидной возможности использовать материалы работы в преподавании, я бы отдельно отметил сферы лексической семантики и практической лексикографии. Исследования такого типа предполагают накопление большого массива данных о сочетаемости и типовых контекстах употребления лексических единиц — в случае рецензируемой диссертации, лексемы *хот* 'дом' и многих других лексем, имеющих отношение к соответствующему фрейму (наименований частей дома, предметов быта, релевантных признаков и проч.). Такие данные было бы важно учитывать в лексикографической работе. Современные словари должны не только включать самую базовую информацию о значении слова, востребованную, например, при поверхностном переводе текста, но и демонстрировать пользователю примеры грамотной речи: иллюстрации из качественных текстов, частотные коллокации, информацию о культурных особенностях употребления тех или иных слов. Для большинства существующих словарей хантыйского языка это, однако, не так (в качестве исключений я бы назвал «Словарь глаголов шурышкарского диалекта» Ф. М. Лельховой и, может быть, «Диалектологический словарь хантыйского языка» Н. Б. Кошкаревой и соавторов). Между тем, рецензируемая работа фактически содержит материалы для подобного описания важной семантической области: это и аккуратно подобранные примеры из фольклорных текстов, и употребимые в речи сочетания,

названные многими информантами в рамках ассоциативного эксперимента, и комментарии прагматического характера. Как представляется, подобные исследования нужны и для других семантических полей, а собранные диссертанткой данные было бы уместно в дальнейшем систематизировать в формате тематического словаря или учесть в каком-либо более широком лексикографическом проекте.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списков литературы и источников и ряда приложений. Во **введении** дана общая характеристика диссертации: предмет исследования, актуальность, новизна, цели и задачи работы, источники материала и методы, теоретическая база, выносимые на защиту положения, сведения об апробации. В **главе 1** содержится обзор теоретической базы исследования. Он написан достаточно качественно и демонстрирует хорошую квалификацию автора в релевантных областях теории, хотя, на мой взгляд, несколько перегружен развернутыми цитатами. В **главе 2** обсуждается отражение национальной специфики модели *хот* 'дом' в хантыйской языковой картине мира. Здесь, в частности, сформулированы основные значения лексем с семантикой 'дом' в хантыйском и лесном ненецком языках; приведены наименования различных видов жилищ на этих языках и другие устойчивые сочетания с этими лексемами; описана сочетаемость хантыйского существительного *хот* 'дом'; сделаны наблюдения об отражении образа дома в ряде фольклорных жанров; проанализированы метафоры, связанные с понятием дома; систематизированы наименования частей дома и используемых в доме предметов, вкуче с их символическими значениями в хантыйской культуре. Все положения иллюстрируются множеством языковых примеров, зачастую весьма красочных. В **главе 3** описаны результаты ассоциативного эксперимента, проведенного с носителями хантыйского и лесного ненецкого языков. Насколько мне известно, методика ассоциативного эксперимента, хорошо известная специалистам по семантике, ранее не применялась на материале этих языков сколько-либо широко, поэтому ее использование повышает методологическую ценность рецензируемой работы. Эксперимент позволил выявить круг ассоциаций со словом 'дом' в этих языках, которые были расклассифицированы автором по семантическим группам и проанализированы во взаимосвязи с некоторыми социолингвистическими данными респондентов. В **заключении** суммированы выводы исследования. В **приложениях** приведены, в частности, списки реакций в ассоциативном эксперименте и примеры, собранные автором в ходе полевой работы и из источников. Последнее решение представляется особенно удачным, поскольку, во-первых, делает выводы автора верифицируемыми, а во-вторых, такие данные, в случае хантыйского языка особенно ценные в силу сложной социолингвистической ситуации, могут быть в дальнейшем использованы и для других исследовательских задач.

По тексту диссертации у меня имеется ряд **вопросов** и **замечаний**. В первую очередь они касаются ассоциативного эксперимента, описанного в главе 3. Остановимся здесь на следующем:

1. Не вполне ясно, почему для сопоставительного исследования ассоциаций были выбраны именно хантыйский и лесной ненецкий, а особенно нумтовский говор последнего? Дело в том, что рассмотренный говор лесного ненецкого испытывает существенное ареальное влияние хантыйского языка (что упоминает и сама автор). Поэтому встает вопрос, чего именно мы бы ожидали от сопоставления идиомов такой степени ареальной близости? Проверилась ли гипотеза о том, что наборы ассоциаций у носителей лесного ненецкого могли подвергнуться хантыйскому влиянию? Или, наоборот, автор полагает, что наборы ассоциаций различаются серьезно и составляют некий устойчивый пласт языка и культуры, который не склонен меняться под контактными влияниями? В любом случае для

дальнейшего обсуждения было бы важно учитывать данные по ненецким говорам, не находящимся в контакте с хантыйским (а также, возможно, и по каким-либо еще языкам Сибири). Есть ли подобные данные в распоряжении автора?

2. Вызывают вопросы некоторые из социолингвистических параметров, заложенных в процедуру обработки данных. Совершенно неясно, почему респонденты были разделены на возрастные группы 18–30 и 31–80 лет. Какая значимая социолингвистическая граница могла бы быть проведена именно на рубеже 30 лет? С другой стороны, хочет ли автор сказать, что в 31 год и в 80 лет представители народа ханты владеют этническим языком на сопоставимом уровне? Представлялось бы более логичным решением либо выделить группы более дробно, либо рассмотреть особо данные от пожилых носителей. По параметру наличия / отсутствия высшего образования разделены женщины, но не разделены мужчины, что не позволяет в полной мере оценить влияние этого фактора. В то же время, респонденты не разделены в зависимости от того, живут ли они (или жили значительное время) в оленеводстве или провели большую часть жизни в поселке. Между тем, этот фактор может быть крайне важным. Во-первых, оленеводы и поселковые жители привыкли к жилищам разных типов и к различной бытовой среде, и у них могут быть разные ассоциации. Наблюдаются ли такие тенденции в материале автора? Во-вторых, уровень владения языком и, соответственно, богатство ассоциаций у оленеводов может быть выше, чем у поселковых жителей (а кроме того, встает вопрос, не возникает ли такое разделение «за кадром» противопоставления в выборке автора старших женщин, имеющих либо не имеющих высшее образование: не получается ли так, что люди без высшего образования скорее склонны оставаться в оленеводстве, чем люди с высшим образованием?).

3. При количественном анализе результатов, на мой взгляд, важно учитывать не только число возникновений каждой реакции при опросе, но и количество носителей, предложивших реакции того или иного типа, а также группировку реакций по носителям. Например, на с. 109 показано, что для респондентов-мужчин с родным хантыйским языком характерны реакции из группы родственных отношений, но многие из них были названы по одному разу: *аици* ‘отец’, *апици* ‘младший брат’, *щатицаици* ‘дедушка по отцу’, *пух* ‘мальчик, сын’. Возникает вопрос: распределены ли эти единичные реакции по многим информантам, или один и тот же информант назвал 1–2 термина родства, а дальше продолжил ассоциативный ряд уже с ними? Таких случаев в работе довольно много, поэтому, вероятно, было бы уместно приводить для разных семантических групп как число реакций, так и число различных носителей, предложивших хотя бы какие-то реакции из заданной группы.

4. Из текста диссертации осталась не совсем понятна процедура разделения реакций в эксперименте на ядро и периферию. Какое число реакций рассматривалось как пороговое между ними и почему?

5. Группировка экспериментальных реакций кажется в целом корректной, но в некоторых случаях ее логика не совсем понятна: см., например, группу «Отношение к дому» на с. 113, куда одновременно попадают довольно разнородные реакции, как *ма хотем хошэм* ‘мой дом теплый’, *тыхэл* ‘гнездо’ и *аицаицем хот* ‘дом моего дедушки по матери’.

6. При описании эксперимента спорадически возникают примеры из сургутского диалекта (см., например, с. 119). Обработывались ли его данные в одной выборке с казымским диалектом, несмотря на существенные различия между ними? Или они не были учтены при подсчете результатов?

Некоторые вопросы и замечания возникают и к другим частям работы. Так, в разделе 2.2 автор поднимает проблему разграничения сложных слов и словосочетаний с

хантыйской лексемой / основой *хот* 'дом' в случаях типа *мис хот* 'коровник (букв.: коровий дом)', *хот хӑры* 'пол' (букв.: открытое место дома), *мирхот* 'собрание' (букв.: дом людей) и др. (в примерах сохранено авторское написание). Однако критерии разграничения не всегда остаются ясными. По-видимому, автор опирается на параметр выводимости значения целого из сумм значений частей, относя по этому признаку к сложным словам, например, упомянутую единицу *хот хӑры* 'пол', для которой такая выводимость затруднена (заметим, что ее написание в диссертации, несмотря на это, отдельно), в противовес, например, словосочетанию *хот навэрт* 'бревно для дома', значение которого прозрачно складывается из сумм значений его компонентов. Кроме того, к сложным словам отнесена единица *төрәм хот* 'церковь (букв.: дом бога)', противопоставляемая словосочетаниям *пӑсан хот* 'столешница, полка в столе (букв.: дом стола)' или *пушкан хот* 'чехол для ружья, скрадок (букв.: дом ружья)', но здесь различие в выводимости значения целого не кажется очевидным. Здесь же неясна формулировка «группу слов <...> мы склонны относить к словообразованию, так как они представляют собой новую единицу языка» (с. 40). Помимо семантического критерия, к разграничению единиц такого рода могло бы быть осмысленно применять фонетические (как наличие или отсутствие единого ударения, а также устойчивых изменений на стыке компонентов) и синтаксические критерии (возможность или невозможность вставки других единиц между компонентами). В частности, эти диагностики упоминает И. А. Николаева, см. монографию «Обдорский диалект хантыйского языка» (М. / Гамбург, 1995. С. 71–74). Было бы интересно обсудить, как, с точки зрения автора, могли бы работать эти критерии на рассмотренном в диссертации материале. Дает ли рассмотренный материал основания отказаться от каких-либо из них или же предложить новые критерии разграничения сложных слов и словосочетаний в хантыйском?

В разделе 2.3 подробно обсуждается реализация образа дома в хантыйских личных песнях и в песнях медвежьих игрищ. В частности, рассматриваются культурные ассоциации с домом, его частями или производимыми над ним действиями, типичные эпитеты и устойчивые обороты, некоторые морфологические особенности (как широкое использование уменьшительно-ласкательных суффиксов в личных песнях). Этот материал очень интересен и ценен не только для лингвистики, но и для фольклористики. Хотелось бы, вместе с тем, уточнить: верно ли, что рассмотренные в этом разделе языковые особенности специфичны для указанных фольклорных жанров? Или какие-то из них распространены и в других фольклорных текстах?

В отдельных случаях в тексте диссертации имеются избыточные повторы информации, неясные формулировки, стилистические погрешности и опечатки, в частности:

- Не совсем ясно, что понимается на с. 7 под «методом языкового сосуществования».
- На с. 8 работы Валентины Юрьевны Апресян обозначены как «[работы] В. Ю. Апресяна».
- На с. 9 требует пояснений формулировка «Динамические процессы, происходящие в содержании модели *хот* 'дом'...». О каких конкретно процессах здесь идет речь? Можем ли мы проследить их динамику путем сравнения современных данных с материалами, которые были записаны автором или другими исследователями в более ранние периоды?
- Раздел 1.3 «Исследование языковой картины мира в самодийских и финно-угорских языках» (с. 25–28) выглядит слишком кратким. Было бы осмысленно подробнее обсудить в нем достижения работ (пусть и немногочисленных), посвященных понятию «дом» в хантыйском языке.

— На с. 31 неясно противопоставление «коми-пермяцкого», «зырянского» и «коми» языков.

— На с. 34 требует пояснений перевод ‘дом оленей’ для словосочетания *вўлы хот*. Имеется ли в виду какой-то тип загона?

— На с. 35 не совсем понятно утверждение «Глагол *верты* ‘делать’ сочетается с другими именами, обозначающими жилище». Здесь автор сравнивает различные глаголы, описывающие постройку жилища, однако остаются неясными сочетаемостные отличия глагола *верты* от глаголов *лоьцты* ‘ставить’ и *омэсты* ‘сажать’. Иллюстрации с глаголом *верты* описывают, в частности, постройку сарая, берестяного дома и маленького домика для мальчика. Верно ли, что ни в одном из этих случаев не возможен ли глагол *лоьцты*, ни глагол *омэсты*? Если это верно, то хотелось бы видеть более четкую формулировку семантических параметров, релевантных для выбора глагола. Если это неверно, то может ли речь идти просто о том, что наряду со специализированными позиционными предикатами постройку жилища может описывать более общий глагол с семантикой создания нового объекта?

— На с. 44 без какого-либо культурологического комментария приводится пример *...мухлэж лакнам кърэц хотэм* ‘...с выпавшей печенью высокий дом мой’. Такой комментарий дается далее на с. 50 (это сравнение старого дома с человеком, у которого выпадает жизненно важный орган — печень), однако было бы желательно его привести при первом вхождении примера, а может быть и повторять кратко при повторных вхождениях. Этот же принцип подачи материала желательно реализовывать последовательно и для других примеров, содержащих культурно специфические реалии или метафоры.

— На с. 50 единицы *ньхсэм* ‘обструганный’ и *воухэм* ‘обтесанный’ было бы, на мой взгляд, корректнее определять не как прилагательные, а как причастия.

— На с. 62 довольно длинная серия хантыйских примеров дана без переводов.

— На с. 68 кажется не совсем удачной стилистически формулировка «дверь в данном случае метафорически представлена через рот».

— На с. 111 не кажется очевидной интерпретация реакций *ма хотэм* ‘мой дом’, *мўн хотэв* ‘наш дом’ и *нўн хотэн* ‘твой дом’ как отражающих ментальный стереотип «свой» — «чужой». Может быть, информант всего лишь хотел привести больше ассоциаций и решил увеличить их число, немного посклоняв существительное *хот* ‘дом’?

— На с. 123 и далее приводится длинный список реакций в ассоциативном эксперименте, которые уже были упомянуты ранее. Позже они же повторяются в приложении. Если автор планирует подготовить на материале диссертации монографию, то можно было бы подумать о том, чтобы сделать подачу этой информации более экономной.

Высказанные соображения не снижают общего положительного впечатления от рецензируемой работы и могут быть учтены автором в дальнейших исследованиях. В некоторых случаях они носят дискуссионный или технический характер. В диссертации представлен богатый, тщательно задокументированный и квалифицированно обработанный языковой материал, который может быть впоследствии использован и для других исследовательских задач; подробно проанализированы лексико-семантические и сочетаемостные особенности хантыйской лексемы *хот* ‘дом’ и многих других релевантных для этой сферы лексем, а также ассоциативные связи в данной лексической группе; с привлечением данных лесного ненецкого языка проведено пилотное ареально-типологическое исследование; сделано немало ценных разносторонних наблюдений, затрагивающих области лингвистики, фольклористики, этнографии и культурологии. Работа представляет несомненный интерес для исследователей хантыйского языка и

культуры, а в более широкой перспективе и для ученых, занимающихся другими уральскими языками и языками Сибири.

Диссертация «Дом в традиционной хантыйской модели мира» **соответствует всем требованиям** п. 9–14 действующего Положения о присуждении ученых степеней, а ее автор, Римма Михайловна Потпот, **заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук** по специальности 10.02.02 — Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские). Автореферат и публикации с достаточной полнотой отражают основное содержание диссертации.

Кандидат филологических наук
Научный сотрудник Группы по изучению
контактного взаимодействия русского языка
с языками коренных народов России
Отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики
Института русского языка
им. В. В. Виноградова РАН

Е. В. Кашкин

16 февраля 2021 г.

руки *Кашкина Е. В.*
Института русского языка
им. В. В. Виноградова
Российской академии наук
16 февраля 2021 г.

Сведения о составителе отзыва

Егор Владимирович Кашкин
Место работы: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Должность: научный сотрудник
Ученая степень: кандидат филологических наук (специальность 10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание)
Почтовый адрес: 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2.
Телефон: +7-495-695-26-60.
Электронный адрес: egorka1988@gmail.com
Личная страница: <http://www.ruslang.ru/publica/kashkin>